

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ ДЕТЕЙ: ОПЫТ АНГЛИИ И РОССИИ^{1,2}

Маколи М. (McAuley M.), Ph. D., научный сотрудник Международного центра изучения тюрем (Лондон)

Согласно международным конвенциям, лишение свободы применительно к несовершеннолетним правонарушителям возможно лишь в качестве крайней меры. Однако в России, как и в Англии и Уэльсе, в заключении находятся гораздо больше молодых граждан, чем в прочих европейских странах. В статье рассмотрены и сопоставлены факторы, обуславливающие репрессивный характер политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей, а также показана необходимость политических решений на высшем уровне по изменению сложившейся ситуации.

Во всех странах северного полушария лишение свободы применяется к несовершеннолетним правонарушителям как на досудебных стадиях производства, так и в качестве меры наказания. Однако политика в этой области и, соответственно, количество детей, находящихся в заключении, сильно различается. В Америке доля детей, попадающих в заключение, в общей численности детей младше 18 лет выше, чем в любой другой стране мира; затем следует Россия (несмотря на уменьшение с 2005 г. числа детей в колониях и следственных изоляторах, Россия до сих пор занимает по этому показателю первое место в Европе); на втором месте в Европе находятся Англия и Уэльс (рис. 1, 2)³. Исходя из стандартов, установленных международными конвенциями, а также ситуации, существующей в других европейских странах, Россия и Англия являются наибольшими «преступниками» в отношении детей. В данной статье мы рассмотрим вопрос о причинах такой ситуации.

В Англии число несовершеннолетних заключенных росло начиная с середины 1990-х гг. и до 2009 г. (см. рис. 2).

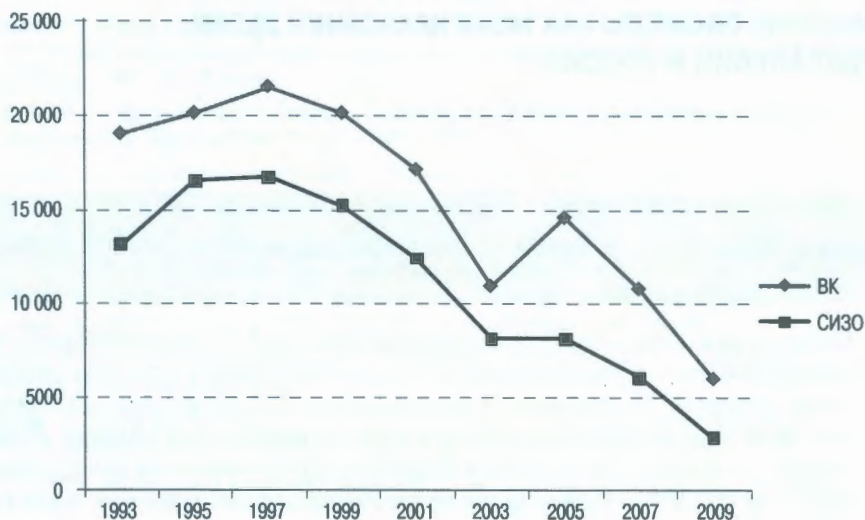
Однако при сравнении данных нужно проявлять осторожность. Данные по Англии учитывают несовершеннолетних, содержащихся в закрытых учреждениях (в том числе в детских домах) в ожидании суда или после осуждения за нарушение закона. Поэтому для корректного сравнения в данные по России необходимо включить количество несовершеннолетних, находящихся в закрытых центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) в системе МВД, а также несовершеннолетних,

¹ Перевод М.А. Сучковой под науч. ред. О.В. Синявской.

² Статья основана на публикациях [Маколи, 2008; McAuley, 2010], однако данные и выводы представлены с учетом более поздних событий.

³ Правовая система Англии и Уэльса отличаются от шотландской. Для простоты мы иногда будем использовать слово «Англия» и «английский» для обозначения и Англии, и Уэльса.

Рисунок 1. Россия: количество несовершеннолетних заключенных в 1993–2009 гг., данные на 1 января каждого года, человек

Источник: данные 1993–2005 гг. взяты с веб-сайта «Тюрьма и воля», www.prison.org; более поздние данные можно найти на сайте www.fsin.su.

Рисунок 2. Англия и Уэльс: количество несовершеннолетних заключенных в 1993–2009 гг., данные на июнь каждого года, человек

Примечание: данные включают несовершеннолетних, содержащихся под стражей до суда.
Источник: Allen R. From Punishment to Problem Solving: a New Approach to Children in Trouble. — London: Centre for Crime and Justice Studies, 2006 (табл. 3.1); с дополнениями из: www.yjb.gov.uk/en-gb.

направленных в специальные закрытые школы в системе Министерства образования.

В данной статье речь пойдет только о несовершеннолетних, содержащихся в закрытых учреждениях в системе Министерства юстиции (в СИЗО и воспитательных колониях в России; в закрытых детских домах, закрытых

учебно-воспитательных центрах⁴, находящихся под частным управлением, и учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей (УНП) в Англии и Уэльсе).

* * *

Давно признано, что помещение детей в заключение не действует как воспитательная стратегия: оно скорее наносит психологический вред, клеймит человека, делает процесс реинтеграции подростка в общество более сложным. Детям это также очень хорошо известно.

«Когда человек освобождается, он продолжает в растерянности жить теми правилами, законами и отношениями, которые были в зоне, но он уже на воле. Этим самым он показывает себя с нелучшей стороны. На памяти у него много всяких историй, услышанных на зоне: кто и как воровал, грабил, угонял. Он начинает все это вспоминать и устранять те ошибки и недостатки, которые совершали рассказчики, считая, что он все сделает правильно и его не поймут. Так что зона не место исправления, а школа новых преступлений» (Максим, Арзамасская ВК) [Осторожно, тюрьма..., 2005. С. 66].

«Когда человек постоянно находится в четырех стенах, он становится агрессивнее, кроме того, каждый в тюрьме хочет выглядеть «блатным» и «крутым», из-за пустяка могут надругаться над человеком, продемонстрировав таким образом свою силу. И получается, что когда человек выходит на свободу, ему уже ничего не страшно, а значит, перед ним не стоят никакие нравственные законы. По моему мнению, нельзя освободиться от тюрьмы, так как тюремная жизнь затягивает, особенно если сидишь долго» (Марина, Новооскольская ВК) [Там же].

«По моему мнению, тюрьмы не исправляют людей, а наоборот, делают нас озлобленными, знаете, как тяжело сидеть в тюрьме взаперти. Обстановка действует на нервы, да и на зоне такая обстановка: та же клетка, только огромных размеров. Держат, как животных, в клетке, а когда люди осознают свою ошибку, у них остаются годы огромного срока, у некоторых по 9–10 лет. Освобождается человек — и вся злоба, скопившаяся в душе, выплескивается наружу в виде новых преступлений, за которые опять следует наказание, и снова этот зоопарк» (Сергей, Казанская ВК) [Там же. С. 63].

«Я думаю, нас надо отправлять в детские дома. Я не думаю, что мы должны находиться в тюрьмах, как взрослые. А это, знаете ли, именно такое место. Нам нужно больше поддержки, больше людей, которые могли бы с нами разговаривать и помогли бы нам, ну и так далее. У меня и так была плохая жизнь, как и у большинства других детей здесь. Некоторые из нас совершали плохие поступки, но я не думаю, что это правильно — содержать нас здесь в заключении. Ведь и здесь тоже делаются плохие вещи. В чем смысл делать нам плохо из-за того, что мы совершили плохие поступки? Некоторые дети не могут этого перенести, не могут справиться. А те, которые справляются, становятся только хуже. Ну и что в этом хорошего?» (мальчик, 16 лет, Англия) [Goldson, 2002].

⁴ Закрытые учебно-воспитательные центры (Secure Training Centres) — специально организованные центры для молодых правонарушителей в возрасте до 17 лет в Англии и Уэльсе. Они управляются частными компаниями на основе контрактов, в которых детально прописаны требования к организации деятельности. (Прим. ред. на основе сайта: <http://www.yjb.gov.uk/en-gb/yjs/Custody/Securetrainingcentres>.)

В Англии и Уэльсе уровень рецидивизма очень высок. В первом квартале 2006 г. (самые последние имеющиеся данные) процент несовершеннолетних, совершивших повторные преступления в течение года после освобождения из закрытого учреждения, составлял 77% по сравнению с 40% для осужденных несовершеннолетних в целом [Reoffending of Juveniles, 2008]. Прямое сравнение с российской статистикой невозможно. Причина этого не в недостатке информации (хотя ее не так много) [Воронова, 2005; Тараленко, 2005], а в том, что мы будем сравнивать несопоставимые явления. В Англии наказания зачастую назначаются на короткий срок (несколько месяцев), тогда как в России среднее наказание составляет около трех лет, а достигшие 18 лет до истечения срока наказания, как правило, переводятся в колонии для взрослых. Тщательное исследование рецидивизма в России с точки зрения типа наказания и развития жизненного пути несовершеннолетнего в будущем было бы очень полезным.

Условия содержания и практики, применяемые в учреждениях в двух исследуемых странах, сильно различаются. На начальников российских колоний, посетивших учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Англии, скорее всего, произвели бы впечатление технические средства наблюдения и инвентарь в спортивном зале; они были бы удивлены, обнаружив телевизоры, видеомagneтофоны и плакаты в одиночных камерах, но шокированы статистикой самоубийств и рецидивизма. Стоимость заключения несовершеннолетнего в тюрьму (более 100 тыс. фунтов в год в некоторых учреждениях) их бы потрясла. Их английские коллеги, приехав в российскую колонию, находящуюся далеко от города и за сотни (а то и тысячи) километров от обычного места жительства заключенных несовершеннолетних, сочли бы такие расстояния устрашающими. Сроки заключения большие, несовершеннолетние содержатся в колониях, дорога до которых может занять три недели, их перевозят в железнодорожных вагонах, иногда вместе со взрослыми заключенными. Несовершеннолетние живут в бараках, спят на кроватях, составленных в длинные ряды. Они носят форму. Все занятия, начиная от спорта и заканчивая обучением, жестко регламентированы. Сотрудники колонии патрулируют территорию 24 часа в сутки. Иногда случаются бунты или акты коллективного членовредительства.

Тем не менее, заметив различия, руководители колоний обеих стран хорошо поняли бы сходство. Большинство детей — выходцы из неблагополучных семей или детских домов; многие были исключены из школы, употребляли наркотики, сталкивались с насилием, испытывают психологические трудности и сложности в учебе. Хотя есть «хорошие» и «плохие» учреждения, в каждом из них есть агрессоры и среди тюремных сотрудников, и среди несовершеннолетних. В тюрьмах (а это именно тюрьмы, вне зависимости от того, какие новые названия мы находим для обозначения закрытых учреждений, куда несовершеннолетние направляются по решению суда) процветает насилие.

У самих руководителей и сотрудников нет иллюзий о том, что тюрьма «работает» в отношении исправления детей.

«У меня были заключенные, которые, я думаю, не должны были быть в тюрьме, но есть и другие. Единственный способ предотвратить совершение ими преступлений — это поместить их в заключение, но я не думаю, что в конечном итоге

ге это приведет к чему-то хорошему. У меня есть дети, про которых думаешь, что они не должны быть здесь: те, которые совершили единичные преступления, или те, у которых есть психические проблемы. В конечном итоге тюрьма делает несовершеннолетних хуже» (начальник УНП) [Goldson, 2002].

«Большинство из этих детей, когда освободятся, совершат новые преступления по разнообразным причинам, которые мы просто не можем предвидеть. Поэтому как я могу утверждать, что тюремное заключение — это правильно для них?» (начальник УНП) [Там же].

«...Здесь, наверное, достаточно много детей, с которыми лучше было бы работать вне тюрьмы, в местном сообществе. Можем ли мы без какой-либо специальной подготовки заботиться о них? ...От нас ожидается, что мы будем родителями, детскими психологами и нянями — и все это без специальной подготовки. Я не знаю, какой может быть другой выход... но это не означает, что тюрьма — то место, в котором они должны быть. Да, они совершили преступления, но, по моему опыту, я могу сказать, что тюрьма не выполняет функцию устрашения... Я не думаю, что находиться здесь — это хорошо для них, скорее, это меняет их в худшую сторону» (старший сотрудник УНП) [Там же].

«Хотя колония, я так говорю ребятам, и называется «воспитательная», мы вас здесь не перевоспитываем. Честно говорю, мы здесь ни воспитание, ни перевоспитание не можем осуществлять...» (директор школы и ПТУ ВК)⁵.

«...Пока несовершеннолетние находятся в исправительном учреждении, они, в принципе, все похожи на пионеров. Поскольку их там воспитывают в достаточно жестком режиме. Но они [исправительные учреждения] не ставят перед собой какие-то перспективные цели. Они ставят перед собой только ту цель, чтобы несовершеннолетние содержались...» (следователь)⁴.

Дело не только в том, что дети учатся друг у друга, или в том, что тюремные культура и правила травмируют их психику. Время, проведенное за решеткой, отсекает детей от нормального процесса взросления; ребенок потом выходит в незнакомый и негостеприимный мир. Как утверждает Л. В. Перцова, бывшая глава отдела воспитательных колоний ГУИНа РФ: «Большинству из них некуда идти, даже тем, у кого есть родители. Их не ждут ни дома, ни на предприятиях» [Перцова, 2002]. В ноябре 2009 г. ее слова почти слово в слово повторила Ф. Доун, глава Совета Великобритании по правосудию для несовершеннолетних, в программе «Некуда идти» на британском Канале 4.

Итак, вернемся к вопросу, заданному в начале статьи: кто (или что) несет ответственность за политику, являющуюся очень затратной как в финансовом смысле, так и с точки зрения ущерба, наносимого незащищенным детям и обществу? Почему и в Великобритании, и в России меры, предпринимаемые в связи с преступностью несовершеннолетних, носят почти исключительно карательный характер, — в отличие от наших европейских соседей? Так было не всегда. В начале прошлого века реформаторы уголовно-исполнительной системы России и Англии, а затем их правительства, были уверены, что тюрьма не место для детей. В середине 1930-х гг. в России Сталин изменил на-

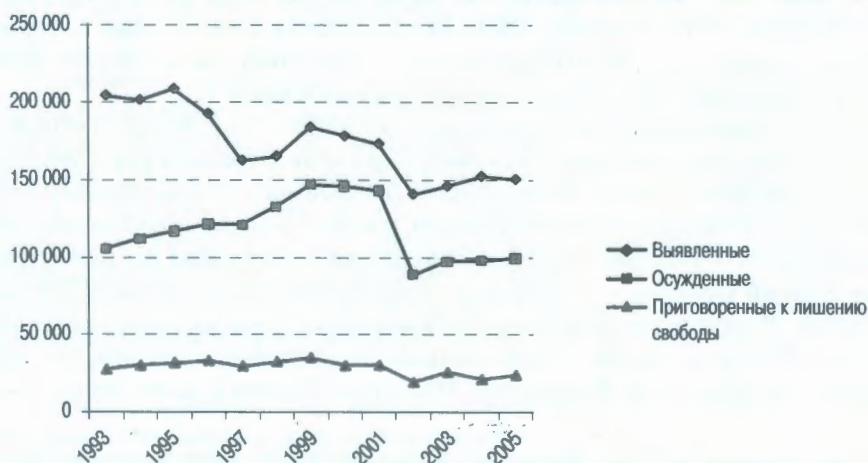
⁵ Из проекта опросов/интервью, проведенных социологами Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова и Ульяновска в марте—апреле 2004 г. Более подробно об опросе см.: [Маколи, 2008. С. 9]. Результаты количественного сегмента проекта (выполненного Левада-центром) доступны на сайте: <http://sophist.hse.ru>.

правление реформы: дела о преступлениях несовершеннолетних начали рассматриваться в судах для взрослых, длительные сроки заключения и тюремные колонии стали обычным явлением. В Англии курс на упразднение тюремного заключения для несовершеннолетних до 16 лет был подтвержден в 1969 г., однако к началу 1990-х гг. консервативная, а затем лейбористская партии изменили политику («тюрьма работает»).

Обе страны подписали конвенцию ООН и Европейскую конвенцию, которые предусматривают досудебное содержание под стражей и лишение свободы в качестве меры наказания только в крайних случаях, при этом срок наказаний должен быть коротким; кроме того, конвенции рекомендуют избегать судебных процедур, в случае же необходимости использовать ювенальные суды. Неудивительно, что Комитет ООН по правам ребенка в своих Заключительных замечаниях от 2005 г. критически оценил тот факт, что российские органы власти не создали ювенальные суды и не предусмотрели меры наказания, альтернативные лишению свободы. В 2008 г. Комитет также критически отозвался о раннем возрасте наступления уголовной ответственности в Великобритании, о продолжении использования судов для взрослых и о большом количестве несовершеннолетних, находящихся в заключении. В Шотландии система уголовного правосудия лучше учитывает интересы и жизненную ситуацию детей, а Республика Ирландия недавно повысила возраст наступления уголовной ответственности и ввела альтернативные меры наказания в ответ на критику европейского сообщества. Однако законодательные органы в Англии и Уэльсе не сделали ничего для изменения создавшейся ситуации, медлит и российское правительство.

Может быть, в России и Англии уровень преступности несовершеннолетних выше, чем в других странах? Доказательств этому нет. В России резкий всплеск подростковой преступности произошел в 1990-е гг.; кроме того, небольшой рост имел место после финансового кризиса 1998–1999 гг., но с тех пор в России, как и в Европе, наблюдается тенденция стабильности или спада (рис. 3).

Рисунок 3. Россия: уголовно-процессуальная судьба выявленных несовершеннолетних, подозреваемых в совершении преступления, человек

Источник: статистические сборники МВД РФ 1996, 2002, 2004, 2006; Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. — Мн., 1997.

Сокращение численности возрастной группы 14–18 лет с максимального значения в более чем 10 млн в 2002 г. до чуть более чем 6 млн в 2009 г. сильно влияет на число совершаемых преступлений, однако более интересен показатель *уровня* преступности в данной возрастной группе. Он рос в 1990-е гг., но к началу нового века стал снижаться. Сегодняшний уровень сопоставим с 1980-ми гг. Конечно, в различных поколениях может меняться структура преступности. Голодные дети крадут, чтобы поесть. Кроме того, пять преступлений, совершенных одним ребенком в течение некоторого периода времени, и пять преступлений, совершенных пятью разными детьми, сильно отличаются и требуют разного подхода, однако это может быть не отражено в статистике.

В Англии и Уэльсе численность когорты 10–18-летних не сильно изменилась с начала века, в то время как уровень преступности падал с начала 1980-х гг. Поэтому рост числа несовершеннолетних в заключении вызывает большую обеспокоенность.

Как же обстоят дела с насильственной преступностью? Да, в России ее уровень возрос, а в Англии недавно произошел всплеск преступлений с использованием холодного оружия и убийств с участием несовершеннолетних. Но это не объясняет такое широкое применение наказания в виде лишения свободы в России и Англии. В Англии среди тех, кто находится за решеткой, доля совершивших насильственные преступления очень мала. В период с 1996 по 2006 г. процент несовершеннолетних заключенных, отбывающих наказание за насильственные преступления, не вырос и оставался на уровне около 14% [Sentencing Statistics, 2007]. В 2007 г. за нарушение условий probation, предписанных приговором суда, были приговорены к наказанию в виде лишения свободы почти столько же несовершеннолетних, сколько и за насильственные преступления. Дети в Англии садятся в тюрьму, выходят из нее и вновь туда возвращаются по нескольку раз.

В России к началу 2000-х гг. около трети всех осужденных несовершеннолетних были осуждены за насильственные преступления, и эта цифра продолжает расти. Однако большинство заключенных в колониях отбывали наказания за кражу, причем многие — за мелкое воровство. По словам девочки, отбывающей наказание в российской колонии, *«многие сидят за ведро картошки, или велосипед, или же банку варенья. И многие девчата, сидя за решеткой, теряют своих близких и родных, а что может быть хуже этого? А потом, куда им идти? Снова за картошкой и снова в зону. Я не хочу сказать, что все сидят ни за что. Но их не очень и много. Одни воруют пару тысяч, а люди, которые ворочают миллионами, живут себе, довольные, дальше»* [Дети в тюрьме, 2001]. Последние данные показывают, что ситуация меняется: в 2005–2009 гг. из значительно сократившегося по сравнению с предыдущим периодом общего числа заключенных в колониях около половины отбывали наказания за насильственные преступления⁶.

* * *

Как можно объяснить такое широкое применение наказания в виде лишения свободы? Очень важным фактором выступает здесь роль системы уголовного правосудия. Повсеместно государства заинтересованы в первую

⁶ www.fsin.su.

очередь в работе с преступностью взрослых, которые все же ответственны за абсолютное большинство преступлений. Но должна ли система уголовного правосудия, разработанная для взрослых, применяться к детям? Сторонники реформы уголовного правосудия давно утверждают, что в большинстве случаев этот инструмент не подходит для детей — подростки чаще всего совершают преступления в силу своего возраста (а затем «вырастают» из преступлений), и лишь небольшой процент становится закоренелыми преступниками, сохраняя иммунитет к наказанию.

Опираясь на такие аргументы, большинство европейских стран в качестве возраста наступления уголовной ответственности установило 14–15 лет или даже старше. Задержанный полицией ребенок младшего возраста будет передан в социальные службы или организации в местном сообществе. В разных странах практика различается, но цель везде общая — *оградить детей от столкновения с системой уголовного правосудия*, использовать меры, которые не клеймят их как «преступников», прибегать к лишению свободы только в крайних случаях.

Если же, как в России и Англии, правонарушениями несовершеннолетних занимается система уголовного правосудия, на применение такой меры наказания, как лишение свободы, влияют возраст наступления уголовной ответственности, законодательство, дающее определение преступлениям, полиция, суды и социальные службы, а также набор санкций, из которых судьи могут выбирать. Но в двух рассматриваемых странах эти факторы взаимодействуют и влияют на итог по-разному.

Возраст наступления уголовной ответственности, установленный в России (14 лет для тяжких преступлений, 16 лет для менее серьезных), стандартный по европейским меркам. Поэтому он не может рассматриваться в качестве фактора, способствующего высокому числу несовершеннолетних заключенных. Напротив, законодательство, определяющее преступные действия, возможно, является основным, или даже важнейшим, фактором. Несмотря на принятие новых кодексов в начале 1990-х гг., достаточно несерьезные нарушения (например, кражи) до сих пор считаются тяжкими преступлениями. За повторные преступления и преступления, совершенные группой лиц, предусмотрены строгие наказания. Почему? Потому что законодатели рассуждают с позиции взрослых (организованная преступность — это серьезно), а не с позиции детей, которые вместе проводят время и группой взламывают киоск или крадут машину, чтобы покататься и развлечься. К таким действиям нужно применять другие критерии оценки.

Кодексы до сих пор остаются «взрослыми» кодексами, а судебная процедура разработана для участия в ней взрослых. Хотя более поздние изменения (применение досудебного заключения под стражу только в случаях серьезных дел, изучение обстоятельств жизни ребенка и применение, по возможности, принудительных мер воспитательного воздействия вместо лишения свободы) несколько улучшают ситуацию, отсутствие служб пробации⁷ и эффективных социальных работников заставляет судей, как и раньше, удовлетворять ходатайства полиции и прокуроров о заключении несо-

⁷ Служба пробации (*probation service*) — разновидность воспитательной и социальной работы с условно-осужденными, правонарушителями, отпущенными на поруки, и с членами их семей. (Прим. ред.)

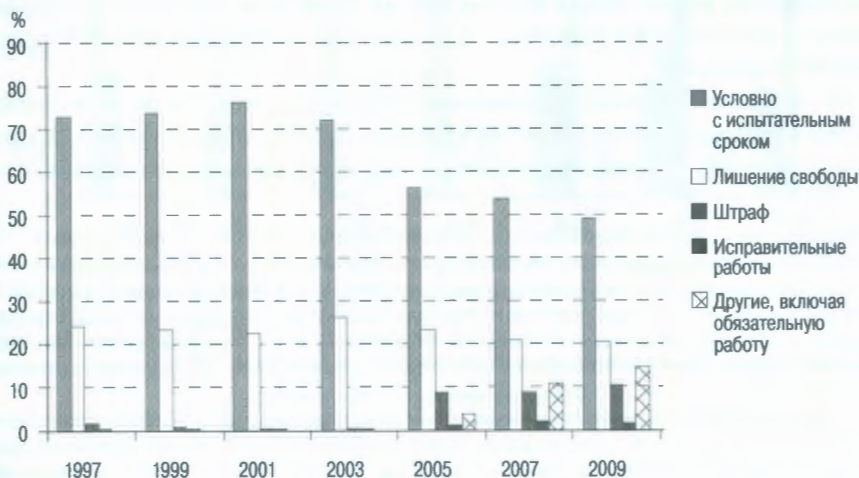

вершеннолетних под стражу. Жизнь судей становится много проще, если несовершеннолетний ожидает суда в СИЗО, а это может занять шесть месяцев или больше. У полиции нет ни ресурсов, ни желания для того, чтобы наблюдать за поведением несовершеннолетних в ходе досудебного содержания под стражей. Таким образом, ситуация ухудшается из-за отсутствия адекватной системы взаимодействия полиции, социальных работников и социальных служб, которые бы поддерживали детей, находящихся в группе риска, и их семьи и предотвращали бы попадание несовершеннолетних в систему уголовного правосудия. На сегодняшний день слишком уж много детей предстает перед судом.

До 2004 г., оказавшись в суде, несовершеннолетний мог рассчитывать только на «условное наказание» (в этом случае совершение еще одного преступления неминуемо повлекло бы лишение свободы) или на наказание в виде лишения свободы. Отсутствие эффективных программ по мерам воспитательного воздействия, включая лечение алкоголизма, наркомании и психических заболеваний, делает невозможным применение таких мер вместо уголовного наказания. С неохотой в список возможных наказаний были добавлены обязательная работа, штрафы и ношение электронных браслетов, но они в основном применяются к взрослым. С 2005 г. суды начали назначать штрафы и обязательную работу вместо условного наказания, но процент осужденных, которым было назначено наказание, связанное с лишением свободы, остался сравнительно высоким — не менее 20% (рис. 4).

В феврале этого года (2011) Верховный Суд Российской Федерации вынес постановление, в котором еще раз четко указал на важность того, чтобы судьи использовали положения законодательства, которые позволяют применять подход, учитывающий особенности личности ребенка, условия его жизни и обстоятельства совершения преступления, в частности норму о том, что лишение свободы должно быть крайней мерой. Суд также указал, что дела, касающиеся детей, должны рассматриваться более опытными судьями,

Рисунок 4. Россия: меры наказания, применяемые к осужденным несовершеннолетним в возрасте 14–18 лет, %

Источник: официальная информация МВД РФ 2002, 2004; статистика Верховного Суда РФ 2004, 2006, 2009, доступная на сайте <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=316>.

которые прошли специальную подготовку в области психологии, педагогики и криминологии. При этом судьям следует чаще применять нормы об освобождении от уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних или прекращать дела и направлять несовершеннолетних правонарушителей в специальные (закрытые) школы, а не колонии⁸. Хотя автор приветствует постановление Верховного Суда, пока неясно, насколько сильно изменится судебная практика. Содержание кодексов и отсутствие систем поддержки несовершеннолетних в местных сообществах ведет к тому, что судьям будет непросто значительно изменить подход к несовершеннолетним правонарушителям, даже если они захотят это сделать.

Если в России законодатели уделяли мало внимания несовершеннолетним и это сделало последних жертвами жестокой системы, разработанной в первую очередь для взрослых, то в Англии консервативное, а затем лейбористское правительство разработало новый подход к борьбе с преступностью, который включал в себя меры наказания, направленные исключительно на детей. Политики и некоторые средства массовой информации сознательно сделали детей мишенью. Закон об уголовном правосудии и общественном порядке 1994 г. снизил с 14 до 10 лет возраст, при котором может быть применено наказание, назначаемое на неопределенный срок для особенно тяжких преступлений (после ужасного убийства 3-летнего ребенка двумя 10-летними мальчиками), увеличил с 12 до 24 месяцев максимальный срок наказания, которое ювенальный суд может назначить 15–18-летним несовершеннолетним, и создал новый вид наказания (так называемые воспитательные меры воздействия — *training order*), которое отбывается в закрытом центре исправительной подготовки и может достигать 24 месяцев. Были добавлены новые виды преступлений. Закон о преступности и нарушении правопорядка 1998 г. увеличил вероятность того, что несовершеннолетний будет осужден, заменив свободу усмотрения полиции в решении вопроса о вынесении предупреждений и предостережений на ограниченные возможности делать выговоры и последние предупреждения (два предупреждения — и несовершеннолетний оказывается в тюрьме). Законом также введен новый вид наказания за антиобщественное поведение, в рамках гражданского процесса⁹, однократное нарушение которого влечет лишение свободы¹⁰.

10-летние и 17-летние; совершившие преступление один раз и рецидивисты; несовершеннолетние, совершившие серьезные преступления, и «шутники» — все они, по мнению правительства, могут «очень легко превратиться

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». В п. 2 Постановления Верховный Суд напомнил судьям, что в случае несоответствия российского законодательства международным конвенциям, ратифицированным Российской Федерацией, международные конвенции имеют преимущественную силу. Но почему в таком случае в постановлении не упоминаются ювенальные суды?

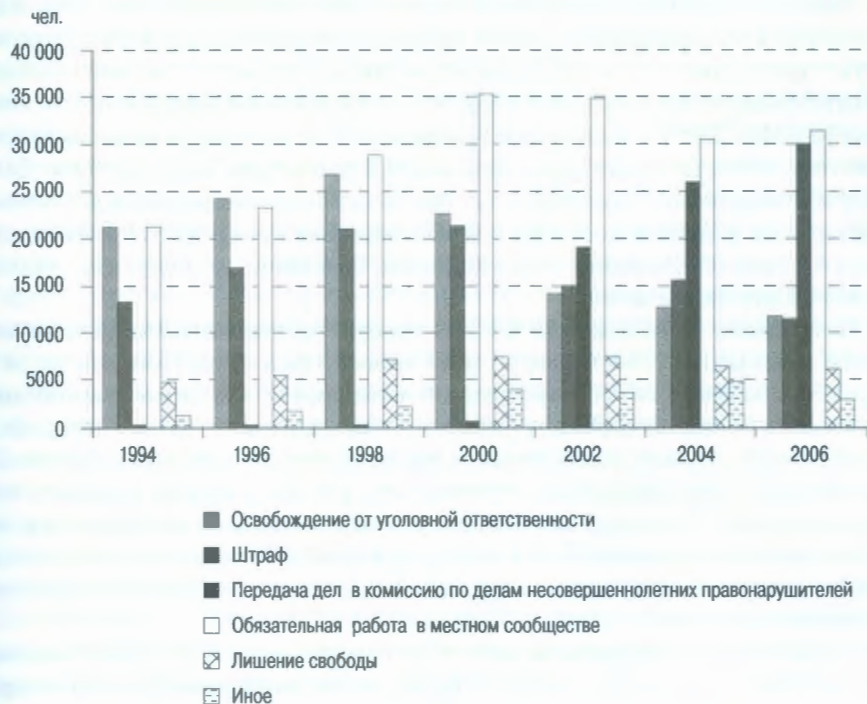
⁹ Этот вид наказания (*anti-social behavior order*) направлен против лиц, продемонстрировавших антиобщественное поведение, и предполагает определенные формы ограничения поведения правонарушителя, такие как запрет на возврат в тот магазин или тот район, где было зафиксировано антиобщественное поведение, запрет на употребление алкоголя и пр. (Прим. ред. на основе: http://en.wikipedia.org/wiki/Anti-Social_Behaviour_Order.)

¹⁰ Этот раздел основан на [McAuley, 2010. Ch. 6].

в завтрашних закоренелых преступников» (министр внутренних дел, официальный информационный отчет, 1997 г.). Система уголовного правосудия должна выявить их. Роль социальных работников была сокращена. Службы пробации все более бюрократизируются. В период с 1996 по 2006 г. в распоряжении магистратов и судей появилось все более возрастающее и вызывающее недоумение количество видов наказания. Тем не менее они продолжали назначать наказания в виде лишения свободы практически в том же объеме, что и раньше. А так как перед судом стали предстать намного больше несовершеннолетних, больше детей попадали и в заключение (рис. 5). Маленьких детей могут направить в закрытый детский дом; подростков — в закрытый учебно-воспитательный центр, управляющийся частной компанией (четыре из них были построены лейбористским правительством), или в закрытое учреждение для несовершеннолетних правонарушителей (управляющееся тюремной службой). Девочки могут быть помещены в отдельное крыло женской тюрьмы.

В обеих странах политики должны нести ответственность: в Англии — за ужесточение системы наказаний детей за правонарушения, в России — за непроведение реформы жестокой и устаревшей системы. Но что мешает им действовать так же, как действуют их европейские коллеги, которые доказали, что лишение свободы может применяться только в качестве исключительной меры? Они не могут утверждать, что не осведомлены об этом.

Рисунок 5. Англия и Уэльс: наказания, назначенные несовершеннолетним 10–18 лет в 1994–2006 гг., чел.

Источник: основано на данных R. Morgan, Newburn. Youth Justice/M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology — Oxford University Press, 2006. P. 1045; Sentencing Statistics England and Wales. — 2006 (табл. 2.4).

И в Англии, и в России есть люди, которые активно лоббируют проведение реформы.

В России активное сообщество сторонников реформы включает в себя НКО и немногих, к сожалению, работников системы правосудия и ученых. Хотя приоритеты НКО могут различаться (некоторые являются сторонниками создания ювенальных судов с участием социальных работников; другие считают, что нужно реорганизовать местные комиссии по делам несовершеннолетних и местные службы; третьи отстаивают важность введения восстановительного правосудия), все они поддерживают необходимость разработки законодательства в области «ювенальной юстиции». Введение ювенальных судов является одним из главных вопросов на повестке дня в течение последних десяти лет. В 2002 г. соответствующий законопроект даже прошел первое чтение в Государственной Думе. Немало «экспериментов» на местах, касающихся как ювенальных судов, так и восстановительного правосудия, показали свою ценность [Маколи, 2008. С. 168–174]. Тем не менее федеральные власти, Генеральная прокуратура и, до последнего времени, Верховный Суд не предпринимали активных действий для решения вопроса. Недавно некоторые служители Православной церкви высказали мнение о том, что ювенальная юстиция является чужеродной идеей, которая продвигается за счет иностранных денег, что она направлена на разрушение российской морали, российской семьи и российского общества¹¹. Руководство церкви не предприняло никаких попыток оспорить эти абсурдные утверждения. А политики, заседающие в Думе, по всей видимости, плохо информированы и безынициативны.

Новая концепция реформы уголовно-исполнительной системы, подготовленная Федеральной службой исправления наказаний (ФСИН), не является предметом широкой дискуссии, несмотря на то что она обещает значительные изменения, включая новые тюрьмы по американскому образцу [ФСИН, 2009]. Предполагается сокращение колоний для несовершеннолетних, которые будут переименованы в воспитательные центры. Если к разработке режима в них подойдут творчески (как, например, в достойной подражания Канской колонии в Красноярском крае), то это к лучшему. Однако в силу сокращения числа колоний, они зачастую будут еще дальше от места жительства детей.

Безусловно, предложения ФСИН требуют серьезного анализа экономистов и криминологов. Он не должен проводиться сотрудниками ФСИН. В процессе разработки государственной политики необходимы именно мнения извне, а не заключения внутриведомственных аналитиков. Государство не предприняло каких-либо попыток организовать дискуссию по вопросам преступности несовершеннолетних и мер, которые нужно в связи с ней принимать. Д. А. Медведев мог бы вынести этот вопрос на повестку дня, но, по всей видимости, он не хочет вступать в конфронтацию с консервативными и давно существующими группами в системе полиции, прокуратуры и юридической элиты.

У сообщества сторонников реформы уголовно-исполнительной системы в Великобритании длинная история. В него входят высокопоставленные юристы, судьи и профессиональные эксперты. Это сообщество обладает такими

¹¹ <http://rusk.ru/17.12.2007>; дата последнего доступа — 18.04.2008.

ресурсами, о которых российские коллеги могут только мечтать. Их идеи, активно применяемые другими правительствами в Европе, должны быть хорошо известны политикам в Вестминстере. Тем не менее в течение 15 лет последние продолжали их не слышать. Под влиянием небольшого количества особенно активных средств массовой информации те продолжали верить, что карательная политика помогает привлечь избирателей. Новое лейбористское правительство¹², как и их предшественники консерваторы, убедили себя, что жесткая политика в отношении несовершеннолетних приносит пользу их имиджу и что полноценные дебаты по этому поводу не нужны. Политики из всех партий разжигают страх преступности в обществе, несмотря на снижающееся число преступлений.

Хотя традиционно в разработке государственной политики принимали участие эксперты, новое лейбористское правительство игнорировало их советы, предпочитая быстрые и непродуманные решения старых и новых проблем. В 2008 г. пришло время для осторожного пересмотра позиций. В законе об уголовном правосудии и иммиграции была вновь изложена идея об изъятии мелких правонарушений из юрисдикции судов и использовании условного предупреждения для несовершеннолетних (*Youth Conditional Caution*); девять различных наказаний, отбываемых в местном сообществе, вошли в Порядок реабилитации несовершеннолетних (*Youth Rehabilitation Order*). Однако не было предпринято попытки начать дискуссию по этому поводу или оспорить популистский карательный уклон средств массовой информации [McAuley, 2010. Ch. 6].

Тем не менее за последнее время в Англии произошли обнадеживающие для сторонников реформы события. К удивлению самих сторонников реформы, а также политиков и средств массовой информации, новый министр юстиции из консервативной партии, Кеннет Кларк, объявил, что количество взрослых и несовершеннолетних, содержащихся в тюрьмах, должно быть уменьшено, что тюремное заключение неэффективно в борьбе с преступностью и что необходимы и другие меры. Представляется, что даже политики, которые ранее воздерживались от высказываний, теперь могут заговорить по-новому и обоснованно отвергнуть мнение тех средств массовой информации, которые утверждают, что лишение свободы — единственный способ борьбы с преступностью несовершеннолетних. Одним из факторов, конечно, является влияние кризиса на финансирование, которое может предоставить государство (а тюрьмы дороги), но резкое изменение позиции правительства говорит о том, что оно готово переосмыслить (хотя бы частично) меры, которые применяются к несовершеннолетним правонарушителям. Приказы об антиобщественном поведении будут заменены другими, чуть более прогрессивными мерами. Идут широкие консультации. Есть потенциал для позитивных законодательных изменений. Потенциал есть и в России тоже, нужно только, чтобы руководство страны в лице Д. А. Медведева и В. В. Путина обратило внимание на этот вопрос. В обеих странах пришло время разработать альтернативные лишению свободы меры для применения к незащищенным детям, выросшим в обществе, которое создали для них мы, взрослые, и в которое им рано или поздно придется вернуться.

¹² Здесь и далее имеется в виду правительство, находившееся у власти с 1997 по 2010 г. (Прим. пер.)

ЛИТЕРАТУРА

Воронова Е. Л. Становление правосудия по делам несовершеннолетних (ювенальной юстиции) в Ростовской области: опыт взаимодействия ювенального суда и социальных служб // Вопросы ювенальной юстиции. 2005. № 1 (4).

Дети в тюрьме / Под ред. В. Ф. Абрамкина. — М.: РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия. 2001. Вып. 2.

Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. — Мн., 1997.

Маколи М. Дети в тюрьме. — М.: ОГИ, 2008.

Осторожно, тюрьма... — М.: РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2005.

Перцова Л. В. Несовершеннолетние в местах лишения свободы // Несовершеннолетние в уголовно-исполнительной системе России: проблемы исполнения наказаний, социальной адаптации и их совершенствования / Под ред. А. С. Михлина. — М: Центр содействия правосудию при фонде ИНДЕМ, 2002.

Статистические сборники МВД РФ.

Тараленко К. Н. Рецидивная преступность среди условноосужденных несовершеннолетних и ее предупреждение. — Томск: Томский государственный университет, юридический институт, 2005.

ФСИН. Реформирование уголовно-исполнительной системы. — Москва—Рязань, 2009.

Allen R. From Punishment to Problem Solving: a New Approach to Children in Trouble. — L.: Centre for Crime and Justice Studies, 2006.

Goldson B. Vulnerable Inside: Children in Secure and penal Settings. — L: The Children's Society, 2002.

McAuley M. Children in Custody. Anglo-Russian Perspectives. — L.: Bloomsbury Academic, 2010.

Reoffending of Juveniles: Results from the 2006 Cohort England and Wales. — L.: Home Office, 2008.

Sentencing Statistics 2006 England and Wales. — L.: Ministry of Justice, 2007.